

Галина Щекина

16+

ТОНКАЯ ГРАНЬ

От имени Любви

Галина Щекина

Тонкая Граня

Издательство «Союз писателей»

2015

УДК 82-31
ББК 84(2 Рос=Рус)

Щекина Г.

Тонкая Граня / Г. Щекина — Издательство «Союз писателей»,
2015 — (От имени Любви)

Девочка Граня напевала итальянскую песенку и мечтала о самолетах. Но судьба ее сделала слишком крутой вираж и самолеты пропали за горизонтом. Именно в такой момент девушке встретился главный человек в ее жизни. Поможет ли он Гране перенести крушение мечты?

УДК 82-31
ББК 84(2 Рос=Рус)

© Щекина Г., 2015
© Издательство «Союз
писателей», 2015

Содержание

Каникулы Грани	6
Марш итальяно	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Галина Щекина

Тонкая Граня

© Текст – Галина Щекина, 2015

© Дизайн обложки – Андрей Москаленко, 2015

* * *

Галина Щекина родилась в Воронеже в 1952, живет в Вологде. Работала экономистом, журналистом, библиотекарем, педагогом доп. образования. Публиковалась в центральной и региональной прессе. Автор романов «Ор», «Тебе все можно», «Графоманка» (шорт-лист Русского Букера 2008)

galera50@gmail.com

*Пою, пою – дорогу дальнюю,
Непобедимую любовь навеки...*

(Советская песня)

Каникулы Грани

На заспанных улочках еще не плясало солнышко. Тихие дорожки, кое-где с желтеющими в пыли абрикосами, лежали в тени, невпопад кукарекали петухи, на углу шумела колонка.

Граня и Злата пошли в первый класс вместе, они жили на одной улице в Авдеевке. Они вдвоем собрались утром до школы, рядом стояли, ежась, на линейке, их рядом за одну парту и посадили. Правда, белый фартук Грани был из старой занавески, а у Златы весь переливался, атласный-то, да еще и вышитый гладью. Гране закрутили коричневые косы шнурочком и корзинкой сплели, а у Златы и косы бело-пушистые, и во-о-т такие вот банты – с голову. В таком виде Злата всем слепила глаза, и даже педагог со стажем, первая их учительница, щурилась, очки поправляла, будто терялась. Что это за цаца такая сидит? Как с ней говорить? А ведь учительница понимала разницу между хорошей и хорошо одетой ученицей. .. У самой-то у нее была одна выходная юбка и один строченый пиджак с манишкой, потому и удивлялась она на такую девочку. Чтобы самой лучшей стать, у нее было все.

Люди просто терялись, сталкиваясь со Златой, с ее белокурыми пенистыми косами, безмятежным лицом, изумленным взглядом дурочки. Терялась и Граня. Уставится Златка и смотрит. А чего думает? Сама и думай. А Граня была другая, это замечали сразу. Она даже маленькая была похожа на Золушку или на восточную принцессу из сказок братьев Гримм – смуглое лицо, влажные черные глаза, слабые завитки на висках, большой лоб, прямой нос и рот величиной в две ягоды, близко под носом, отчего нос казался длинноватым. Выражение лица серьезное, и потому она всегда казалась старше, чем есть. И еще гордая осанка, ходила девочка с прямой, даже вогнутой спинкою.

После школы подружки обычно шли медленно, волоча тяжелые портфели, рассчитанные на много лет вперед. Они обязательно заворачивали на базар, покупали у бабок стакашом изюм или курагу и лакомились. Потом заходили к Злате домой поесть каши с тыквою, а то и вареников. Отец Златы Юрек Ковальский работал фотографом, а мать Гута Тимофеевна шила по людям, поэтому одна комнатка у них всегда была в ярких обрезах материи, лоскутах, мотусках и нитках. Граня быстро съедала тыквенную кашу со сметаной – когда эта каша и так хороша, и без сметаны за милую душу... А еще они со Златкой мастерили на тряпочных куколок платья. Чтобы сделать саму куколку, надо было Гуту Тимофеевну попросить. Она умела не просто сделать туловище, ручки крестом. А еще и личико так устроит, что есть щеки, лоб, глазки вышитые, ротик. Полоска серой или желтой овчины – и готовы волосы. Куколки Гуты были особенные, короткие, и даже могли стоять! Она их клеила на резиновую подошву. Трудно объяснить, почему самодельные куколочки были лучше магазинных. Потому что живые, с выражением!

Лешек, Златкин брат, был старше ее года на четыре и дома бывал редко. Девочки всей школы за ним бегали из-за серых его глаз. Девочкам всегда нравятся хулиганы. А он гонял голубей со взрослыми голубятниками. Учил их. Торговал даже. На девочек не смотрел. Или виду не подавал, что ему это лестно.

Потом, после Ковальских уже, Граня бежала домой бегом, и коричневая корзинка кос билась о тонкую шею. Дома она скорее ворошила печь, подбрасывала уголь, а когда чугун разогревался, варила и мяла картошку-мелочь, высыпала корм визжащему с голода поросенку. Мать Гранина, Таисия, тоже была швея, только шила одеяла в швейных мастерских, утром уходила в семь и приходила затемно. Отец, Богдан Машталапов, работал машинистом на станции, так что дом-то был на Граниных плечах. Пока поросенок визжал или уже хрюкал наевшийся, Граня лущила кукурузу. В кладовке стояли серые чувалы с початками, неподъемные. Надо было отсыпать початки в тазик, лущить в большую кастрюлю-алюминьку и потом ссыпать в другой чувал, белый. Лысый початок – бросать отдельно, в угол, на растопку. Спелые

желтые початки хрустели, и зерно с треском падало в алюминьку. А если попадал неспелый, так руки очень обдирал.

Свистели птицы. Со станции гукали паровозы. За забором ругались соседи.

«Иды снидать. – Шо снидать, кашу? А сала нэмаэ? – Нэмаэ. – Я тэбе вбью за тэ сало. – Нэма грошей на тэ сало. – А ну, иды сюды! Покажу, дэ сало браты». И дальше за забором начинались крики, и даже обрывистый смех. «Сувертэко, Сувертэко, дывысь, як чудно чоловика зовуть – Грицько...» Так звали соседа...

Граня хмыкала, включала радио в виде большой черной тарелки, чтобы не слушать соседей. И во двор гремели с окна простые советские песни. «Нас утро встречает прохладой, нас ветром встречает река. Кудрявая, что ж ты не рада веселому пенью гудка?» И сама песня стремительная, как ветер! И еще такое – «Нам нет преград ни в море, ни на суше, Нам не страшны ни льды, ни облака. Пламя души своей, знамя страны своей Мы пронесем через миры и века». Так здорово, что мороз по коже!

Хлоп! – калитка железной щеколдой! Входила важная Златка списать уроки, а они еще самой Граней не были сделаны. Початки уже задвигались в угол, на деревянный уличный стол шлепались тетради с русским и математикой. Граня не понимала, почему Злата просит чужую тетрадь, неужели не хватает ума, но раз хочет – на. Дело простое – Златке было лень. Пока Граня решала задачи, Злата пыталась лущить кукурузу, но тут же бросала это скучное дело и шла крутить ручку от радио – то погромче, то потише. Потом списывала уроки и просила:

– Идем же, Граня, погуляем.

– Не могу я никуда. Мне еще двор мыть. Придут – не сделано ничего. И початки тоже.

– Ты успеешь, пока они придут. Идем в парк, на фонтан посмотрим.

– В парк нельзя. Попадет.

– Фу ты, какая...

В Златкином голосе звучали и сожаление, и насмешка. Можно ли быть забитой такой? Что там того парка? Часик и назад. Пока чистишь кукурузу в сарае, вся жизнь пройдет.

И она уходила. А Граня смотрела ей вслед и оставалась при своих интересах.

Шла Златка гулять, чтобы встретить в парке «знакомых девчонок», с которыми как-то незаметно время пролетало чуть не до полночи... На самом деле, это были не только девчонки, которые вовсе и не любили гулять в компании Ковальской. Вокруг Златки роились парни, что тебе комары над патокой. Она сидела на лавочке у фонтана, за фонтаном сразу шла огороженная танцплощадка. О-о, это уже была взрослая жизнь в парке. У лавочки сразу компания – фезеушники, блатные, приезжие, со школы тоже многие бывали, хотя бы тайком. И каждый норовил уйти ее провожать, на долю остальных девочки оставались так себе. Вот разве Лешек, братик старшой, соколенок отчаянный. Ему уже не раз досталось за то, что ходит с красивой девкой, следит, да других шугает – побили так, что на всю щеку был сизый след. А почему? Потому что пошел провожать капризулю Златку, вот так вышло, что ни себе, ни людям...

Драчун Лешек, тайно он нравился Гране. Видя его синяк, она от нежности затихала, и зажмурясь, она представляла узкую свою руку, легко отирающую его щеку травяным настоем.

«Ты полечи его, дурочка, – шептала она Злате, – отак подорожник приладь, абы лопух!»

Но Злата отмахивалась: «Мама поврачует».

И от людей ленивой Злате стыдно не было, будто она даже имела право на легкую жизнь. На уроках ее особо не теребили учителя, в тетрадках у нее стояли четыре и пять, а если к доске вызывали – там дело шло хуже. Там уже только одна улыбка изумленных глаз и ничего больше. Все быстро поняли, что Ковальская сдувает домашние работы, и знали, у кого именно, но с чего было на Граню кричать? Граня учебник читала один раз и запоминала насмерть. Не было у нее такого баловства – на уроки все время тратить. Учителя ж видели, как она гнездится

к подоконнику на перемене. «Ты чего? – Уроки пишу. – Делать тебе нечего». Но делать ей было что!

Потому что у нее были обязанности дома: вот это начать, вот это закончить... А уроки – уж когда получится. Сказать, чтоб сидела по ночам – тоже нельзя. Никто не позволил бы ей долго жечь керосиновую лампу. Она вцеплялась в тетрадки, когда время было. Старалась быстро все запомнить, где же столько воли, чтоб по два раза учить. А отвечала Граня твердо, на отлично.

И хотя в школе не больно строжили с чтением книжек, она пыталась даже урывками читать. Приходила к тете в библиотеку школьную и долго ходила меж шкафами. Ей давали сказки, но сказки она не любила, притворством считала... А вот как прочитала Гоголя про черевички – то-то было счастья! Потому что там все происходило не как в сказках, а было перемешано, прямо как в жизни.

Но главную книгу своей жизни она прочтет попозже, это книга – «Овод». Первое – ее поразила любовная история. Классе в шестом она горела обидой за Овода. Человек такой одаренности, огромной силы воли, идейной устремленности: хотел отдать жизнь за Италию. Ничего личного. Значит – или – или. Эта книга и слепила характер девочки Грани.

Утром, под резкое чириканье птах, пока потягивалась в постели сонная Злата, Граня, уже запарив чугунок, кормила поросенка. Потом бежала за водокачку, рвать траву для кроликов.

Траву повдоль дворов в Авдеевке не разрешали трогать, только в поле за поселком. Ребяшня шла с тележками или мешками, кто с чем, и пряталась в середину поля между колодцев. А там объездчик на лошади и с кнутом – если что мог стегануть как следует. С визгом убегали. Все ноги так избьешь. Да сто раз перепугаешься, неохота под кнут объездчика попадать! А отец – «три мешка до вечера можно вполне нарвать». Нарвать-то можно, а найти-то ее как? Отож вытянет вдоль спины – не схочешь травы никакой...

В этот раз Граня побежала одна, без компании, и весело надеялась на удачу. И то надежда, что пока объездчик дрыхнет поутру, можно мешок добыть. Граня в сатиновых шароварах, в клетчатой рубашке мальчуковой, с корзинкой кос под косынкой, приседая, пошла по краю поля. Шаровары намокли от росы, но зато в траве легче было спрятаться, если объездчик. Вон он! Как рано выехал, оглоед. Она бросила мешок и, пригнувшись, в кустарник юркнула, сердечко тук-тук. Никому неохота кнутом по спине получить. Кажется, повернул, не заметил. Отец грозил: «Натаškai, а то получишь». А что там той Грани? Мешок же с нее ростом. А с двух сторон кнутами грозят...

Сосед Машталаповых Корягин пришел к отцу рядиться за летнюю кухню. Темным вечером кирпичи дымились, их Граня мыла веником и горячей водой. Когда замолчал сонный сытый поросенок, только сверчали сверчки по огороду, отец Богдан сидел под шелковицей и дымил сигаркою. И сосед Корягин пришел, снял с керосиновой лампы стекло, прикурил и тоже дымил сигаркою. Он был хороший строитель, умелец по домам на весь околоток один. Граня торопилась написать уроки в тетрадь. Густели потемки, она убежала в дом, зажгла и там керосинку. Стоя за столом, быстро написала задачи, а над русским подзадумалась. Что главное в жизни? Учеба? Да, а потом? Красота? Это надо! Любовь, наверно (при мысли о Златкином братишке уши ее загорелись, что твои помидоры). Работа? Но какая – чтоб была важнее любви. А то ничего не добьешься... А добиться надо. Иначе – всю жизнь батрачь на кукурузе...

Во дворе раздался голосной многоступенчатый смех, то частый, то редкий. Она выглянула – за Корягиным пришла его статная дочка, в черно-горошистом городском сарафане и с крутою антрацитовою завивкой. Богдан и Корягин о чем-то шутили с ней. А ведь она была важная птица, работала там, где взлетают самолеты.

– Иди до дому, батько, вже борць готовий. Вечер добрий, Граня.

– Вечер добрий, тетя Наташа.

- Ты хорошо учишься, девочка?
- На пять.
- Молодец. Самолеты любишь?
- Самолеты? – у Грани занялось дыхание. – Откуда ж в Авдеевке самолеты?
- Приходи ко мне, дам книжечку.
- Шо? – грозно забасил Богдан. – Та не трожь ты дивчину!
- Та я ничего, дядько Богдан, – тетя Наташа прикрыла рот и быстро ушла.

Наташа была единственной дочкой Корягиных. Красивая, крупная, с большой грудью, немного коренастая, ну прямо мать большого семейства или, может, директор магазина. Но она была одинокая, незамужняя, сильная. Окончила летную школу, даже успела стаж налетать, а потом неудачная посадка, поломанные ноги. Летать больше не разрешили, а она не смогла самолеты забыть, вот и осталась работать в администрации летного училища. А может, у нее там и любовь была? А то вернулась бы в Авдеевку. У матери Грани, Таисьи, было опасение, если видела незамужнюю. Да главное, и Богдан не хотел такого влияния на свою дочку.

Книжка была маленькая и тряпично-мягкая от сильного листания: «Летающие лодки Четверикова». Теть Наташа сказал, что таких книг в библиотеках нет, это для летного училища пособие. Граня читала ее как приключения с мушкетерами, хотя никаких приключений там не было. А еще были рисуночки, которые Граня старательно перерисовала себе в тетрадку. Самолеты-амфибии, которые держались на воде, или гидросамолеты – они ей Жюль Верна напомнили, даже названия она тут же затвердила – МУ-2, М-11, МДР-3, МР-5, РОМ-2, СПЛ, ОСГА 101, даже во сне она шептала их... И то хорошо, что пока она дышала своею тайной, родичи внимания не обращали, а то попало бы. Она ж дивчина, не парубок!

Как же стучало ее горячее сердце, как щипало глаза от вдохновенных слез Грани, которая в восьмом классе уже оказалась готова к той книжке. Это вам не кукурузу лущить. Великие дела страны покоряли и звали за собой. «Идея установить самолет на подводную лодку возникла в связи со стремлением повысить ее боевую эффективность за счет расширения поля обзора при поиске противника. Самолет мог увеличить «дальнозоркость» подлодки в десять с лишним раз. Где и как размещать самолет на подводном корабле? Нужен был самолет со складными крыльями...»

– На тех самолетах начала летать и Поля Осипенко. Это ж не женщина – орлица! А ведь наша родная, землячка моя, мы обе с Новоспасовки, – рассказывала тетя Наташа, опершись на забор. – Мы учились в одном училище, в которое и приняли не сразу. Сначала был ей отказ, потом пошла в столовую при летной части, возила на полигоны кашу, и там ей потихоньку давали летчики порулить. Вдруг приезжает в часть Ворошилов! После парада она к нему: «Возьмите в училище! Летать – умею!» Так и взяли. Сейчас она уже Киеве, да в Кремль ездила. Недавно мировой рекорд побила, выше итальянской летчицы взлетела!

- Неужели?
- Итальянка на шесть, а Поля наша на все девять! Тысяч метров, поняла?
- Тетя Наташа, а как ...меня? Могут разве меня принять в училище, если уж героя страны и то не сразу приняли?
- Конечно, могут. Готовься сильней.

Так мечта и родилась. Наташа Корягина была летчица и первая сказала Гране про летное училище, и еще – что нужна туда особая подготовка. Граня настолько впитала эти слова, что стала готовиться! И морально, и физически. Карточку Полины Осипенко в военной пилотке наклеила на картонку и вложила в учебник.

Все это случилось в майские, перед каникулами. В общем, отрава свободы и воли попала все-таки в кровь девочки Грани. Так что родители опасались не зря.

Златка стала по весне много пропускать, но за уроками все же иногда приходила. Она стояла и смотрела, как Граня вроде обезьяны взбирается на самый чердак по громадной железной лестнице. То вверх, то вниз... Волосы скручены узлом на затылке, сама в черных шароварах и тапках. А у Златы белые локоны красиво заплетены, не до конца, и пряди подвиты колечками. Платье синее, жоржетовое, аж просвечивает. Стоит, взор к небу. В руках глиняный жбанчик, завязанный белой тряпочкой.

– Граня, ты что, больная?

– Да нет, отчего ж больная, – тяжело дыша, отозвалась мокрая Граня. – Физподготовка у меня, на быстроту. Ты за уроками?

– Ну да, зачем же еще? Не в куклы же нам с тобой играть. Вот вам от мамы Гуты варенички с картошкой. Она много сделала, всем хватит.

Глаза Златочки смотрели на Граню все также умыто и также бездонно сияли.

– А как экзамены? Как спишешь там? – тревожно спросила Граня.

– То не твоя забота.

Она стала писать в тетради, поднимая бровь, косясь на Гранину подготовку.

– А чего ваш Лешек? Все гоняет голубей?

– Нет, Граня. Он уже поступил на машиниста. И он стал щирый писарь – все пишет, пишет, даже и ночью.

– Влюбился ваш Лешек.

– Да его не поймешь. То любит, то тоскует...

– А ты, Златка? У тебя есть кто?

Златка порозовела лицом, шейкой и грудью. И погрозила Гране пальцем.

А в понедельник на русском (как раз повторяли к экзамену тему) вошла в класс комиссия. Три человека, все незнакомые, одна женщина в форме и с ними директор. Женщина в форме быстро отчеканила, как много сейчас значат для страны трудовые резервы. Все и так все знали, но молчали. Дисциплина была в школе железная. Дальше повел речь директор.

– По итогам года выявлены учащиеся, которые не проявили должного рвения в учебе, посещаемости и поведении. Неоднократные предупреждения родителей ни к чему не привели. Сейчас я зачитаю список учеников вашего класса, которые не будут допущены к экзаменам.

В паузах дергалась бровь директора, руки со списком дрожали.

– Учащиеся, чьи фамилии я зачитаю, будут немедленно отчислены из школы и направлены на обучение в ФЗО. Учебные заведения закрытого типа работают на полном государственном обеспечении. Домой отчисленные не поедут – портфели берут с собой и... Ковальская Злата Юрьевна...

Их вывели, построили, и увезли на автобусе. Вечером к Машталаповым примчались Гута и Юрек. Они ждали до четырех, но дочь не явилась с первой смены. Гута уже рыдала в голос. Трясущимися губами Граня рассказала им, как все было. Потом подала Гуте жбанчик, в котором та посылала вареники. Не говорили, просто женщины плакали и все. Таисья обняла Гуту Ковальску, и так стояли они под шелковицей, качаясь в плаче. Хотя им Граня вынесла табуретки. А Богдан смолил сигарки с газеты да молчал. До того случая он был уверен, что государство всегда правое, а тут дитя отняли у отца-матери.

Богдан в тот год даже не снимал Граню со школьных занятий на огород, как это обычно бывало. Весь огород сажил с женой Таисьей и помощником своим с паровоза. Огородов было три: овощи – цибуля-фасоля, гарбузы (тыквы), кукуруза. Кукуруза на еду, стебли на корм, пустые початки в топку. Все это надо было еще полоть...

Когда экзамены кончились, Богдан дал девочке отоспаться три дня. Потом запалил сигарку и сказал:

– Я получаю семьсот пятьдесят грамм хлеба, на иждивенца, на Граньку – еще сто пятьдесят. Мать работает в швейной мастерской, ей дают на карточку пятьсот. Если летом Граня

пойдет чернорабочей путей, она работать будет не до шести, как все, а до двух, но карточку получит взрослую! И денег, и целый кусок мыла. Понятно говорю?

Таисья всплеснула руками, охнула:

– Це ж дытына! Шо вона зробэ!

– Не обсуждается, – Богдан положил кулак на стол, не стукнув, но кулак сжал крепко.

Граня знала, что в их околотке на путях уже работали парубки. Девушек еще никто не гонял. Вон Колечкины – вроде учительская семья, бедная, а дети ни лета не работали.

Пришли на станцию девятнадцать человек школьников. Почти все мальчишки, три дивчины, Граня самая худая из всех. Вся группа пошла от станции километра за два на товарную ветку. Дали каждому кирку: разбивать спекшийся мазут на камнях между шпалами. Как бить? Позже пришел путевой обходчик с потрескавшимся красным лицом и сказал:

– План, ребята, – пять квадратов. Бачьтэ, шо между шпалами и рельсами получився квадрат? Вам надо його разобраты, то есть разбыты, камни скласты в ящик, а все, что отвальилось, – сыпать за рельсы. Между рельсами надо, шоб пустое оставалось. На шо крошить пласт? Да шоб воздух проходыв, шпалы лучше лежат, не гниють. Чисты камни тэж обратно сыпать. Дитям пять квадратов, усим другим – десять. Канистру воды прыйшло. Всэ.

Размахнулась Граня киркой на камень, чтоб ударить посильнее, а кирка оказалась такая тяжелая, что сама дернула ее за собой. Граня чуть не упала навзничь: тянет, можно за один взмах назад опрокинуться, голову рассечь. В локтях и плечах быстро заныло.

– Тихо, – остановил ее чужой парубок. – Повывихиваешь плечи. Первый раз?

– Ага.

– Вот тебе и ага. Смотри! – и медленно взмахнул киркою...

Это уж потом Граня сообразила, что взмах надо делать не вверх, а немножко в сторону, чтобы так руки не вырывало, а тогда что она могла понять? Все бьют, и она бьет. В каком-то бессознательном состоянии все.

Жара усиливалась к обеду, даже птицы в посадках переставали посвистывать. Звуки природы затихали, оставалось только звяканье железа по камню да щебню. Двое человек выбыли в тот же день. Одна девочка от жары сомлела, а парню вообще не повезло – неверный удар кирки пришелся прямо по ноге.

Она была по камням, чтоб раскрошить спекшийся от мазута и грязи пласт, потом, что отвалилось – за рельсы. Слой такой толстый. Очищенные камни надо было засыпать обратно. На это были выданы грабарки и большие рукавицы, которые не держались на руках. Ящик она тоже поднять одна не могла, ждала чужого парубка.

У канистры на цепке моталась большая кружка, но она старалась меньше пить, боялась – ослабнет, свалится. Делала несколько больших глотков, потом проводила по лицу и снова затягивала косынку. Ну, это невозможно ж сказать, что это была за работа. Непонятно, как дотянуть до двух-то часов дня, а там еще трава, огород. Что там той Грани? Одна худоба, силы никакой. Обходчик угрюмо отпускал их, тыча пальцем в часы.

Падала без сознания уже дома, ничего не видела. Она могла бы спать с трех и до утра, но вставала по хозяйству. И снова падала, часто одетая. В голове плыли летающие лодки Четверикова, похожие на сказочных жуков. Она видела себя в кабине. Самолет взлетал прямо с рельсов, унося ее от всего этого ада. Надо это пережить, чтобы летать. Стать знаменитой как Полина Осипенко и однажды пройти мимо дома Ковальских, как бы на колонку...

А утром в треснутом зеркале она видела сощуренные черные глаза и пятнисто-загорелое лицо – летела пыль, кожа загорала неровно. А что ж там той Грани? Одна худоба, силы никакой. Красота в ней была, да – опасная, змеиная, ели взглядеться. Но пока незаметная, неочевидная для всех. Заморыш да заморыш. Это уж потом она раскроется, ее южная прелесть, опаленная, потом заблестит гордо, но не теперь, когда школьница бежит в линиялой кофте, да мазутной косынке...

На тонких руках Граниных быстро выступили вены, – да ладно, успокаивала она себя. Не до красоты, выжить бы только. Кормила она поросенка, индюков, да и шла на станцию.

А там уже из хриплого репродуктора – песня. И Граня подпевала, ежась от росистого утра: «Мы с железным конём все поля обойдём, соберём, и посеём, и вспашем. Наша поступь тверда, и врагу никогда не гулять по республикам нашим!»

Скоро, скоро убедится Граня, что все не так просто – и поля не успеют обойти, и враг по тем полям пройдет, но тем утром она так была тверда, так уверена. Потому что это ей помогало.

Зато когда выдали Гране карточку и на нее хлеб, она так наелась! Она жадно ела хлеб по дороге. Глинистый мякиш приставал к зубам, слюна чуть не бежала с губ. Пружинистый ноздреватый кусок быстро таял на языке. Какое острое, ни с чем не сравнимое удовольствие! Все на дивчину смотрели, но стыдиться было нечего. Она могла открыто есть сама этот хлеб, потому что сама заработала его.

Да еще чернорабочим раз в день раздавали горячий суп и кусочек мяса. Суп наливали в большую алюминиевую кружку, наподобие той, что висела на цепке у бака с водою. Суп хотелось есть долго и помалу, но большинство выпивали его тут же, або дома не было и того.

Так и прошло первое Гранино взрослое лето. В битве за первую взрослую карточку.

Марш итальяно

То лето казалось удачливым для Машталаповых. Кукуруза на третьем огороде вымахала за два метра, оцетинилась молочными початками, что твоими поленьями. Богдан надеялся, что они заколют к осени поросенка, засолят много сала в подвальном рундуке. Да и будущему поросенку будет что скормить, если учесть кукурузный силос. Красная фасоль надула длинные свои стручки. Шелковица как стала осыпаться, так вот Граню погнали обирать. И она ела ее горстями, аккуратно подбирая с ладони. А шелковица качалась на ветрах и Граню качала – ну, совсем как гидросамолет, который видела на испытательном полигоне тетя Наташа Корягина. И задумавшись с повисшим на мотузке бидончиком, обхватив дерево ногами в сатиновых шароварах, Граня прислоняла лоб к стволу. Самолет может подняться с поверхности реки или озера и лететь с огромной скоростью до трех километров в высоту, легко садиться брюхом на заснеженное поле и грунтовую дорогу. Это же что выходит? Что хочет, то и делает, по грунту пробегает метров пятьдесят, а по воде и того больше. Говорят, и шасси никаких не надо, все дно его как в той лодке. И душой взлетала Граня, представляя, как она полетит на том самолете...

Почтальонка принесла толстое письмо от тети Наташи Корягиной. Там она спрашивала, почему нет вестей от папы, и не случилось ли с ним что? А с ним случилась такая вещь, о которой никто и не решился бы писать – Корягина посадили по доносу.

Еще была вложена газета «Взлет» города Качинска. «РЕЙС «РОДИНЫ» – ПОДВИГ». 24 сентября 1938 года двухмоторный ДБ-2 «Родина», взлетев с подмосковного аэродрома, взял курс на Дальний Восток. Пробираясь сквозь облака, самолет долго шел в слепом полете – штурману Расковой приходилось прокладывать путь по приборам. Вскоре проявился еще один коварный враг – обледенение. Чтобы сбить лед с лопастей пропеллера, летчики до предела увеличили обороты винта. Донимала болтанка. После Урала связь с землей прервалась. Из-за отсутствия связи летчики прошли мимо Комсомольска-на-Амуре. Когда показалось Охотское море, тревожно вспыхнула лампочка, сигнализируя, что бензина осталось на полчаса. Командир корабля Гризодубова решила садиться в тайге с убранными шасси. Она приказала Расковой прыгать с парашютом, потому что подобная посадка опасна в первую очередь для сидящего впереди штурмана. Самолет посадили на болото в верховьях таежной реки Амгуни. Точного места приземления «Родины» никто не знал. Начались поиски. От Байкала до Охотского моря над тайгой, горными хребтами, непроходимыми болотами летали самолеты. Охотники, жители далеких поселков ушли в таежную глушь. 3 октября экипаж был обнаружен с воздуха. Из села Керби вышел катер «Дальневосточный», который, дойдя до верховьев бурной Амгуни, подобрал в тайге героических женщин. За 26 часов 29 минут беспересадочного полета «Родина» преодолела расстояние в 6450 км. Мировой рекорд дальности полета для женщин оказался перекрыт более чем на полторы тысячи километров. На каждой станции, в каждом городе от Керби до Москвы летчиц встречали восторженные толпы людей. За свой подвиг Гризодубова, Осипенко и Раскова получили звания (первыми из женщин) Героев Советского Союза».

Как же плакала Граня, как плакала она от истории, опалившей юное ее сердце. Да неужели она, Граня, жизнь потратит на хозяйство и рабскую повинность по дому? Неужели она, твердый духом и телом человек, не попадет в другой мир, где только подвиг – смысл жизни? Да будь неладно это хозяйство, когда наши женщины не просто не погибли, а всему миру доказали, на что человек способен, если служит Делу? Да невозможно так сидеть и лущить фасоль, когда такое происходит!

К Гране подружка приходила, Златка Ковальская. Запечатанная в тугую форменную туужурку с блестяшками на пуговках и воротничке, она казалась молоденькой милиционершей.

Остриженные под бокс, ее пышные белые волосы выбивались из-под черного берета, губки кричали густою красной помадой.

– А что ФЗУ, глянь как страшно. Мы на гособеспечении, да иногда домой отпускают.

– А что мама твоя, не плачет больше?

– Нет, она даже рада. Даже тоскует, что Лешек не со мной, а болтается. Неделями голодный, да компании всякие, да гроши с дома тянет.

– А если что?

– Если что – так на ящик отправят. Да и там робят люди. Пойдем в парк сходим?

– Нет, мне нельзя, не пустят. Ты иди, Злата.

Граня оставалась маленькой, а Златка как-то сразу взрослою стала, живя не дома. Граня кувалдою на путях махала, а Злата стояла у станка да чертежи училась разбирать. Граня косила глазом в сторону Лешека Ковальского, который по вечерам щеголял в парке в настоящем сером двубортном костюме. Штаны были страшно широки – как две юбки! Мальчишка, а уж шляпу напялил...

Сдерживала биение сердца, когда мимо дома их шла, а Злата уже всюю крутила любовь со студентами, инженерами с депо. Уже ж четырнадцать Гране, а Златке пятнадцать. Граня только ждала, что ей жизнь сделает поблажку, а Злата давно жила на полную катушку. Перехватывая молчаливые взгляды дочери, добрая Таисья утешала ее:

– Ничего, ничего, зайчик. Всэ будэ...

А когда ж оно будет-то? Граня стояла за керосином, задумчиво крутя косу. Синее штапельное платье в черный горох билось от ветра. Репродуктор в тот день играл одну музыку, это нравилось Гране. Несмотря на летнюю жару, очередь стояла тихо, никто не толкался, не спорил, что нарастет лучше – цыбуля или кукуруза. Пожилые женщины-хозяйки, дети да старые железнодорожники стояли близко, как родичи, и все притихшие. Как вдруг диктор заговорил в репродукторе, а потом и керосинщица отпускать перестала и все побросали бидоны: «Молотов, Молотов». Потом опять марш и стихи, они падали на головы людей, что твои камни. «Наши пушки вновь заговорили! Враг напал. Мы выступили в бой! Вымпела прославленных флотилий, словно чайки, выются над водой. Бить врага нам нынче не впервые. Чтоб кровавый след его простыл, Вам, полки и роты фронтовые, Помогает действующий тыл!» Многие побежали с торговой площади, но Граня все-таки налила свой бидон, протянула деньги, но залитая слезами керосинщица махнула рукой и захлопнула окошко, приговаривая:

– Ой, горе, ой, горе...

На Донецк и Ясиноватую уже бомбы падали. До Авдеевки пока не дошло, но бухало рядом совсем. И ровно туча свинцовая накрыла Авдеевку. Таисья с опухшим от слез лицом чего-то шила и складывала в полосатый мешок. Богдан на работе был круглые сутки, иногда только появлялся дома с красными от недосыпу глазами хватить кус глинистого хлеба с салом, вареной картошки. Лицо его было без выражения, но Таисья понимала – уйдет на фронт. И, несмотря на жесткий его характер, дрожала вся от макитры до пят – молодая пошла за него, восемнадцати не было, терпела окриков досыта, а только теперь она будет вовсе сиротою. В школу свозили раненых, делали лазарет, здание было хорошее, кирпичное. При школе записывали добровольцев. Оборонительный отряд сколачивали и при станции, но было поздно, поздно... Друг другу шепотом передавали – отступаем... На конец сентября Красная Армия оставила Одессу, а в середине октября бои велись вблизи Харькова и Донбасса.

Да, все видели, что терпела поражение не просто армия, но и вся страна. А ведь она казалась такой непобедимой совсем недавно. Гитлеровцы считали территорию Восточной Европы, в том числе Украину, жизненно важным пространством для немецкого народа, и захватывали город за городом. Это подавляло.

Ушел на фронт весь южный околоток. Даже сосед Машталаповых, Грицко, который рядился за сало. «Сувертэко, Сувертэко, дывысь як чудно чоловика звать – Грицько...» Даже Ковальские ушли – оба, отец и сын. Тетя Гута, оставшись одна, пошла работать в швейные мастерские. Даже учитель Колечкин, совсем больной, и тот попросился на фронт, его будто отправили в газетчики. Но Богдана в армию тогда не забрали, дали ему бронь. То ли потому что железная дорогая была нужна в первую очередь нашим, то ли он работник кристально честный, то ли почему еще. Мастерские, где горбатилась Таисья, перешли на шитье белья и формы для солдат. Теперь дома никогда не было ни отца, ни матери – приходили и уходили они ночью. Многие тогда ночью работали, окна наглухо закрывали, ни шелки света не проходило...

Когда пришла Граня в бывшую школу, ее отвели в постирочную: там стояли баки с замоченными бинтами и постельным, которое меняли на перевязках. Вонь ужасная. Воду таскать из колонки. Простирав первую грязь, пропускать второй раз. Потом кипятить, полоскать. По лицу пот, по спине. Граня думала, сцепив зубы: «Ничего, ничего. Это тоже для победы надо».

Народу не хватало. Когда по школьному саду развешивалась полуотстиранная партия – кровь плохо отходила, оставляя бурые разводы – можно было отдохнуть в палатах, разнести, что надо, попить, кому можно... Сил даже на улыбку не оставалось.

Круглые сутки дом был заброшен, окна закрыты. Еда кончалась. Два раза стояли в очередь за солью. На рассвете, когда по траве шла изморозь, Граня с матерью бежали в поле, наскоро и тайком ломали кукурузу на своем же огороде, и взадых шли обратно. Кукуруза была уже изрядно общипанная – с Ясиноватой, Горловки и Донецка тянулись голодные с узлами, чтоб менять дорогие вещи на продукты. Но кому были нужны теперь те шелка и меха. Порося пришлось зарезать и срочно засолить. В погребе откопали еще хран, и сложили туда солонину, закатанную в полотно.

Вспоминалась Златка, которая и поесть, и одеться любила, да только и она теперь оказалась в закрытом военном заводе – от нее раз в месяц приходили Гуте скучные почтовые карточки с печатями, что жива, да все хорошо. Какое хорошо. И плакала Гута взхлеб. Все ж не на войне как Лешек. От него вестей не было.

Похоронку получила Колечкина. И между детьми Колечкиными и всеми другими сразу стала такая пропасть. Что вы там пережили, если у нас – такое...

Госпиталь срочно эвакуировали из школы, а вскоре пришли немцы. Как-то быстро все произошло, все надеялись – нет, не придет та зараза до поселка, но судьба зло зарычала военными машинами и мотоциклами, залепила очи, заткнула рты. Граня в зашитой на плечах и наставленной кацавейке попятилась с флягой воды на колесах и ее таки прибило к забору. Улочка стала пустой, народ вогнул головы в плечи, рассосался по дворам. А она не могла. Она смотрела как заколдованная на военную колонну, ошетиленную автоматами, слушала низкий рев машин в туче пыли и ее подташнивало. Все стало серое, как та пыль! Еще деревья до конца не облетели, горели то красным, то желтым, по-летнему звякали ведра на басейке. Вот так делово и по-будничному они пришли. Колонна ехала к бывшей школе. Молва уж разносила слухи, как ловят евреев и гонят в лагеря. Упорней всего говорили о больших расстрелах по Украине. Но так, сдавленным шепотом – за такие разговоры тоже сулили расстрел.

Но в первый день выстрелов не было. Только по дворам ходила проверки из местных полицаев, да с ними один-два фашиста. И фашисты странные, такие чернявые и улыбчивые. Итальянцы! Раскидали кругом листовки. Индюков похватили почти всех, но те были облезлые от недокорма и худые. Потом пришел на постой фашист в форме с двумя солдатами и полицаем. Таисью вытолкали из хаты раздетую, без тужурки и показали на сарай – туда!

- Via di qui! Rapidamente! Быстрей!
- Мама! – проскрипела, охрипнув, Граня.
- Rapidamente! Urgente.
- Ничого, доню, ничого...

Ее втолкнули и заперли. Полицай велел выметаться из дома, там теперь живет господин Орсо. Граня стала таскать, что под руку попало – постель, кастрюли, свалила на лавку во дворе, потом вспомнила про материну одежду. Полицай, поругавшись, все-таки матери дал одеться и помочь. Они хотели положить узлы в сарай, бежать по соседям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.